

Березович Е.Л. «И все люди, да всяк человек по себе»: к вопросу о семантико-прагматической программе слова люди // Русский язык в научном освещении. 2006. № 1(11). С. 195–226.

Е.Л. Березович (Екатеринбург)

**«И ВСЕ ЛЮДИ, ДА ВСЯК ЧЕЛОВЕК ПО СЕБЕ»:
к вопросу о семантико-прагматической программе слова *люди****

– Сашенька, надень варежки, будь человеком!
– Не хочу человеком, хочу как все люди!
(из разговора мамы с ребенком)

Лексема *люди* имеет обобщенную семантику и несет особую ценностную нагрузку: это одно из слов, с которых начинается самоопределение человека в мире (ср. *народ*, *мир* ‘человеческое общество’; в известном смысле сюда же *русские*¹ и др.). Важная функционально-смысловая особенность этого слова – наличие в его значениях меняющейся точки зрения говорящего (фокуса эмпатии), которая перемещается в координатах **мы – они**, от **личностного** полюса к **социумному**: говорящий то смотрит на людей изнутри, причисляя себя к ним, то они становятся для него другими, чужими, а на первый план выходит его человеческая «отдельность», ср. классические примеры вроде *Люди женятся, гляжу, неженат лишь я хожу!* (Пушкин), *Раньше людей Ермолай подымается, Позже людей с полосы возвращается* (Некрасов)². Таким образом, *люди* и *человек*, образующие супплетивную пару в плане грамматики, могут вступать также в отношения «семантического супплетивизма».

Отмеченные особенности определяют специфическую **семантико-прагматическую программу слова *люди***, которая будет предметом анализа в настоящей статье. Под семантико-прагматической программой понимается комплекс общих принципов, которые определяют логику формирования связей слова в системе языка и тексте, а также его референциальные и коммуникативные свойства и условия употребления. Данные принципы диктуются сочетанием некоторых исходных семантических и прагматических посылок (в нашем случае это, как было указано выше, обобщенность и аксиологичность семантики, меняющаяся точка зрения говорящего), носят инвариантный характер и минимально зависят от конкретных перипетий исторического развития слова.

Кажется, изучаемая лексическая единица не подвергалась рассмотрению в указанном аспекте. Исследователей гораздо больше интересовали «личностные» проявления «общечеловеческой» темы, см. работы о словах *человек*, *лицо*, *личность*, *фигура*, *особа*, *персона* [Арутюнова 1995; Вайс 1999; Виноградов 1999: 271–309; Колесов 1986: 146–157;

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 04–04–00274а.

¹ Возможность смыслового тождества «общечеловеческого» и этнонимического значений подтверждается хотя бы существованием обратной модели *люди вообще* → *конкретный этнос*, ср. распространенную среди многих народов земного шара традицию использовать в качестве самоназвания слово «люди» [Бенвенист 1995: 242].

² Значение слова *люди* ‘лица в противопоставлении их самому субъекту; другие, посторонние лица’ отражается в языке многообразно, ср. также: *в люди бегать* ‘обращаться за чем-н. к чужим, посторонним’ [СРГК 3: 169], арх., беломор., влг., ряз. *людскбй* ‘чужой’ [СРНГ 17: 244], *людные* ‘чужие, посторонние’ [СПГ 1: 498]; ср. в паремииологии: *Облихован людьми, и плачься на себя; Людей не осуждай, а за собой примечай!*; *Коли люди врут, так и я соврал* [ПРН 3: 79, 89–90], *Нам бы под гору, а людям в гору возить; К людям Богородица (икона), а к нам литва да литва!* [Даль II: 284] и т.п.

Нильссон 1999; Розина 1991; Степанов 1997: 551–569], в которых затрагивается, в частности, вопрос об эффектах эмпатического употребления лексемы *человек*³. Что касается слова *люди*, то оно изучалось в историко-лексикологическом ключе [Колесов 1986: 139–146, 177–184; Дегтярев 1981]⁴, а также в связи с его контекстной семантикой в фольклоре [Никитина 2004]⁵; польское *lud* ‘народ’ подвергнуто концептуальному анализу в [Бартминьский, Мазуркевич-Бжозовска 1993].

Поясним наши задачи. Изучаемое слово выражает фундаментальное понятие, впитавшее в себя пласты многовековой социальной истории народа, являющееся средоточием важнейших концептуальных связей, и тянет за собой клубок разнообразных историко-лингвистических и лингвофилософских проблем. Один только комментированный перечень дериватов корня *люд-* и идиоматики, включающей слово *люди* (если задаться целью выяснить, какими могли и могут быть *люди*, – *белыми, дворовыми, доброй воли, гулящими, заезжими, земскими, лучшими, молодыми, простыми, служивыми, убогими, церковными, чужими* и т.п., с какими объектами – например, *гомоном, дорогой, завистью, избой, молвой, помыслами, мужеством, речами, родом, совестью, судьбами и судьбищем* – соотносима характеристика *людской*, какие оттенки смысла выражаются сочетаниями *в людях, при людях, на люди /на людях* и др., что внесло в эту идиоматику художественное сознание авторов «Бедных людей», «Бывших людей», «В людях», «Свои люди – сочтемся» etc.), мог бы занять объем целой книги, которая разрослась бы многократно, если добавить сюда сравнительный анализ лексемы *люди* со словами *мир* и *народ* – с одной стороны, *человек* – с другой, *Бог* – с третьей, *я* и *мы* – с четвертой, *власть* – с пятой (не говоря уже о контрастивном изучении закономерностей семантического развития гнезда **l’ud-* в различных славянских языках). Получается, что весьма небогатое по своему основному значению слово организует вокруг себя исключительно разветвленную сеть семантических и словообразовательных связей, огромное лексико-семантическое пространство, которое постоянно расширяется, – хотя, конечно, многие его участки в определенные моменты времени деактуализируются из-за отмирания тех или иных социальных институтов. Не ставя перед собой задачу дать реконструкцию какого-то конкретного фрагмента языкового портрета «людей», мы намереваемся рассмотреть (в общих чертах, на отдельных примерах), как было сказано выше, семантико-прагматическую программу данного слова, т.е. принципы организации смыслового пространства, создаваемого значениями лексемы *люди* и элементов соответствующего словообразовательного гнезда.

Существование этих принципов не противоречит тому факту, что многие семантические связи слова *люди* детерминированы экстралингвистическими историческими условиями, некоторые виды контекстов с участием этой лексемы реализуют такие варианты смещения точки зрения говорящего, которые жестко определены конкретным коммуникативным или жанровым заданием (ср. выводы С.Е. Никитиной, которая, проанализировав поведение пары *человек – люди* в различных фольклорных жанрах, указала, что «распределение эмпатии становится признаком жанра» [Никитина 2004: 630]). Установка на выявление общих принципов, определяющих поведение слова, не означает, что мы придерживаемся внеисторического подхода к описанию семантики и прагматики данной лексемы и подобных ей лексических единиц. Мы хотим лишь, пробиваясь через толщу самых разнообразных словесных проявлений, увидеть вектор, направляющий

³ Ср.: «... вопреки своей мнимой универсальности *человек* все-таки подлежит жестким ограничениям: ограничивается не только его сочетаемость с любыми характеристиками человеческих свойств, состояний, действий и т.п. (исключением являются типично женские и детские признаки), но и его пригодность для любого денотативного статуса (при отнесении к женщинам и детям без элемента эмпатии невозможны референциальные употребления)» [Вайс 1999: 88].

⁴ Последняя работа посвящена специально форме *люд*.

⁵ В этом исследовании делаются важные наблюдения за особенностями эмпатического употребления интересующего нас слова в фольклорных текстах (свадебных причитаниях, духовных стихах и молюканских духовных песнях), к которым мы будем далее обращаться.

функционально-смысловое развитие лексемы и возникновение тех или иных деривационных и текстовых связей⁶.

Цель исследования определяет обращение как к **парадигматическим**, так и к **синтагматическим связям** изучаемого слова. К первым относятся связи в парадигме лексико-семантических вариантов слова, деривационном гнезде, коррелятивные отношения в лексической системе (в первую очередь речь идет об отношениях синонимии и аналогии); ко вторым – контекстные связи в составе идиом и паремий. Разумеется, связи первого типа являются более сильными и устоявшимися, второго – более слабыми и «сиюминутными», однако для получения полной картины необходимо дополнять один вид анализа другим.

Задачи работы позволяют нам использовать весьма пестрый **материал**, который извлечен из различных словарей и картотек лексики и фразеологии русского языка – литературных, диалектных, исторических, жаргонных⁷, а также из источников по русской ономастике. Преимущественное внимание уделяется фактам диалектной лексики, содержащим трактовку «людскости», которая закреплена в народной традиции. Широко привлекаются данные паремиологии. Контексты, демонстрирующие особенности сочетаемости интересующих нас слов, почерпнуты из иллюстративного материала словарей, в редких случаях выбраны автором из текстов художественной литературы; некоторые современные контексты извлечены из газетной периодики и ресурсов интернета (они, как правило, не атрибутируются вследствие своей стандартности и воспроизводимости). Для более глубокой прорисовки некоторых смысловых линий к лексемам, имеющим в русском языке редкие для дериватов **l'ud-* значения, приводятся параллели из славянских языков.

I. Аксиологическая окраска семантики влечет за собой появление идеи **нормы**, причем норма, конечно, связывается не с личностным, а с социальным полюсом концепта. Нормативность проявляется в семантике некоторых дериватов от слова *люди*: литер. *по-людски* ‘как подобает людям, как принято’, пск., твер. *полюдьё* ‘обычай, заведенный порядок’ [СРНГ 29: 186], *лю́дски* ‘так, как следует; правильно’ (*Ни по-русски умеешь людски, ни по-вепски*) [СРГК 3: 169], *лю́дски* (*лю́чки, по-лю́дски*) ‘хорошо, как положено, как следует’ [Глущенко: 476, 531, 644, 682]; ср. укр. *півтора людського* ‘неразумное, неуместное’ [Гринченко 2: 388] (отрицательный смысл здесь вводится словом *півтора*; следовательно, собственно «людское» – разумное, уместное ⇒ нормативное), сербохорв. диал. *људдвати* ‘вести хороший, правильный образ жизни’ [ЭССЯ 15: 194]. Соответственно «нелюдское» ненормативно: *вѣлюдьё* ‘уродливый, ненормальный, не такой как все человек (люди)’ [СГРС 2: 235], твер. *вѣлюдьё* ‘выродок, нравственный урод’ (*Эко вылюдьё народилось какое!*) [Даль I: 298–299], *не дошѣвши до людей* ‘о бестолковом, неразвитом, неумелом человеке’ [СПП: 51], влад., костр., перм., смол. *безлю́дьё* ‘плохой или глупый человек’ [СРНГ 2: 192] и т.п.

⁶ К примеру, за словосочетанием *белые люди* в разные периоды исторического развития русского языка стоят различные смыслы. В языке XI–XVII вв. этой идиомой обозначалась одна из категорий лиц по отношению к феодальной собственности [СлРЯ XI–XVII вв. 8: 343], в современном интержаргоне данное сочетание (чаще в составе оборота *как белые люди*) употребляется по отношению к лицам, обладающим какими-то привилегиями, ведущим обеспеченную, вольготную жизнь (*Мы сидели в переднем ряду, как белые люди*). При различии в конкретных значениях (и даже в типе этих значений: «историческое» значение является таксономическим, современное – оценочным) это сочетание иллюстрирует, в частности, такой пункт программы слова *люди*, как активная сочетаемость со специализирующими определениями (дающая иногда довольно высокую степень идиоматизации), отражающими видовую дифференциацию, при которой различные группы людей противопоставляются друг другу.

⁷ При подаче русского языкового материала для экономии места хронологические и территориальные пометы не ставятся в том случае, если они непосредственно вытекают из наименования источника. Если же материал извлечен из политерриториальных словарей (СРНГ, Даль – при указании места записи), то помета приводится.

Другое проявление нормативности – употребление слова *люди* (с характерным усилением *добрые люди*) в составе пословичных предписаний: *В мае добрые люди не женятся; На Казанскую добрые люди вдаль (в отъезд) не отъезжают; Добрые люди гостят, не нагащиваются; Добрые люди козьими орешками не потчуют; Супротив церкви добрые люди кабака не ставят* [Даль II: 289, 392, 692, 770; IV: 361] и т.п. Идиома *добрые люди* не дает «характерологического» описания людей, а как раз приспособлена для реализации идеи нормы: *добрые люди* поступают так, как вообще должны вести себя люди (= хорошие, «правильные», порядочные люди). Более ранним периодам развития языка свойственна трактовка нормативного поведения через призму имущественного ценза: *добрые люди* ‘состоятельные люди’ [СПП XVI–XVIII вв. 2: 29]. Данная идиома имеет типологическое звучание, ср. лат. *homines (viri) boni*, франц. *des gens honnêtes* и др.

Кроме того, нормативность (хоть и несколько заглушаемая иронией, см. ниже) заложена в семантике устойчивых оборотов *все как у людей, как все люди*.

II. Перемещающаяся точка зрения иногда порождает своеобразный эффект бриколажной самоидентификации: «я противопоставляю себя людям, но разве я – “не люди”?»). Этот эффект дает **оксюморонность, парадоксальность** многих употреблений слова *люди*. Ср. типичную речевую ситуацию: ограничивая поток людей, стремящихся подняться по трапу самолета, стюардесса говорит пассажирам: *Люди пройдут – и вы пойдете* (такие фразы воспринимаются по-разному, в зависимости от настроения слушающих – от улыбки до раздраженного возмущения). Описываемый эффект нередко обыгрывается в паремииологии: *Все как у людей, да не по-людски; Все мы люди, да не все человеки* (т.е. рода человеческого, но без человеческого достоинства); *Аль в людях людей нет?; Народу-то, народу – ровно людей; Много народу, да людей нет* [Даль II: 284], *Людей много, а человека нет* [Снегирев: 215] и др.

III. Обобщенность семантики изучаемого слова вкупе с перемещающейся точкой зрения обуславливают явление номинативной **конденсации**, которая реализуется в направлении **род** → **вид** (термин *конденсация (конденсированная номинация)* мы используем вслед за В.Г. Гаком, который применял его по отношению к случаям типа *повышенная температура* → *температура*: «это конденсация номинации без транспозиции путем устранения специализирующих определений и сужения значения основного слова по формуле $M + M_1 \rightarrow M$ » [Гак 1998: 341]). Родовым следует считать основное «общечеловеческое» значение слова *люди*, а видовыми – те конкретизации, которые отражают значимое для номинатора и для данной коммуникативной ситуации оппозицию: *людьми* могут быть названы мужчины в противоположность женщинам, люди среднего возраста – в противоположность детям и старикам, жители городов – жителям деревни, слуги – хозяину, свидетели происшествия – его непосредственным участникам, миряне – духовенству и т.п. (примеры будут подробно рассмотрены ниже). Об определяющей роли процессов конденсации в формировании семантико-прагматической программы изучаемого слова говорит их неизменная актуальность и активность, которая выражается в подключении к ним все новых семантических сфер, ср. факт уголовного жаргона: *люди* ‘воры, преступники’ [БСЖ: 326] (подразумевается противопоставление законопослушным гражданам). Значения, испытавшие подобную конденсацию, представлены в гнездах семантических аналогов слова *люди*: *мир* ‘община, общество крестьян’ [Даль II: 330], *мирской* ‘гражданский, светский (противоп. церковный, духовный)’, ‘народный, простой’ [СлРЯ XVIII в. 12: 210], *миряне* ‘исповедующие православие, не староверы’ [СРНП 1: 421], литер. *народный* ‘в дореволюционной России: предназначенный для низших слоев общества, общедоступный’, *русский* дон. ‘не принадлежащий казачьему сословию’, (р. Урал) ‘православный, крещеный, христианин’, нижегор. ‘народный, крестьянский’ (*Она (писня) русская, мужицкая, народная, а не солдатская*) [СРНГ 35: 272] и т.п.

Конденсированные номинации обладают специфическими функциональными свойствами: они «привязаны» скорее к диалоговому, нежели к нарративному режиму

коммуникации, поскольку в диалоге становится понятно, какие именно люди подразумеваются говорящими (хотя в ряде случаев конденсированная форма приобретает независимость от коммуникативных условий). В нарративном режиме потребность в **видовой дифференциации** удовлетворяется тем, что изучаемое слово обрастает уточняющими определениями, которые могут носить терминологический характер и образовывать оппозиции и даже развернутые классификационные ряды. Такие сочетания были особенно распространены в «феодальный» период истории языка: *легкие люди* ‘легковооруженная часть войска, обладающая большой подвижностью’ [СлРЯ XI–XVII вв. 8: 189], *гулящие люди* ‘разряд населения в Русском государстве 16–начала 18 вв., состоящий из вольных людей, не приписанных ни к служилым, ни к посадским, ни к крестьянам’ [СлРЯ I: 357], *житийские люди* ‘лица, относящиеся к городским зажиточным сословиям, а также несущие службу при дворе князя или в уездных городах, боярские дети, дворяне’ [СлРЯ XI–XVII вв. 5: 117], *прихожие люди* ‘новопоселенцы, прибывшие откуда-либо’ – *старожилые люди* ‘те, кто много лет живут на каком-либо одном месте’ [СПП XVI–XVIII вв. 4: 195; 5: 162], *лутчие люди* ‘наиболее зажиточные люди’ – *молодчие люди* ‘низшие по званию и имущественному положению люди’ [СПП XVI–XVIII вв. 3: 41, 65], *тяглые – нетяглые – податные – белые – черные люди* ‘различные категории людей по отношению к несению феодальных повинностей (обложение налогами, податями и др.’ [СлРЯ XI–XVII вв. 8: 343] и др.

IV. Сочетание идеи нормы с перемещающейся точкой зрения дает **оценочность** многих употреблений слова *люди* и его дериватов, причем разброс оценки – **от плюса к минусу**. Положительная оценка проявляется наиболее отчетливо (поскольку диктуется нормативностью), она реализуется, например, в семантике качественных прилагательных и наречий, образованных от корня *люд-*: вят. *людскóй* ‘хороший, бережный’ [СРНГ 17: 243], *лю́дые* (собр.) ‘люди (о хороших людях)’ [ССГ 6: 67]⁸, арх. *людскí-ладбóm* ‘хорошо, правильно’ [КСГРС], влг. *людья́ (жить)* ‘хорошо, благополучно’ (*Раньше и матрасы ткали, а теперь людья жить-то*) [КСГРС], *лючки́* (< *людски*) ‘хорошо; благополучно’ (*Ну, отдохайте, да смотрите, чтобы всё лючки было*) [СПГ 1: 498]; ср. болг. диал. *л’удим* ‘сделать что-либо хорошо’ [ЭССЯ 15: 193] и др. Семантика положительной оценки представлена и у дериватов корней *мир-*, *русск-*: простореч. *мировой* ‘очень хороший, замечательный’, влг. *русский* ‘настоящий’ [СРНГ 35: 272] etc.

Примеры негативной оценки тоже имеются: смол. *лю́дя* ‘плохой человек’ [ССГ 6: 67], костр. *лю́дно* ‘бедно’ [СРНГ 17: 243] и др. Движение к полюсу негативной оценки кроется и в ироничности многих на первых взгляд «положительных» употреблений слова *люди*. Эта ирония, подпитываемая описанной выше оксюморонностью, нередко сопутствует устойчивому словосочетанию *добрые люди*: *Не нашли Бог врага, а добрые люди найдутся* (ирония) [замечание В.И. Даля. – Е.Б.]; *Научат добрые люди решетом воду носить; Отстань, Бог, нападут и добрые люди* [Даль I: 444; II: 446]. Иронично используются и сочетания *все как у людей, не хуже, чем у людей, как все люди*, ср. примеры из современной газетной периодики: *В Британии все как у людей: воруют, сэр; На Украине со свободой слова все как у людей, а именно, цензуры де-юре нет, а де-факто – тем более; В праздник у них не хуже, чем у людей: водка, ругань, побои; Свешников, как все люди, умел поставить жене фингал под глазом*⁹.

⁸ Отметим, что при всей закономерности этого значения фиксация его как узувального в данном конкретном случае вызывает некоторые сомнения, ср. приведенный словарем контекст, который может свидетельствовать о речевой «наведенности» рассматриваемой семантики: – *С нилюддим ты звизальсь. – А ты што, людья?*) [ССГ 6: 67].

⁹ Ср. также песню «Все как у людей» группы «Гражданская оборона» (Егор Летов), написанную вскоре после событий в Беслане: «Вот и все, что было, не было и нету, Все слои размокли, все слова истлели, Все как у людей, Все как у людей, В стоптанных ботинках годы и окурки, В стиранных карманах паспорта и пальцы, Все как у людей, Все как у людей. Трезвые колеса, прочные постройки,

V. Комплекс обозначенных выше смысловых и прагматических свойств слова *люди* определяет богатую идеографию его семантических и словообразовательных дериватов (т.е. многообразие тематических сфер, где обнаруживаются эти дериваты). В каждой из этих сфер присутствуют семантические оппозиции, определяемые смещением точки зрения говорящего, при этом «люди» и «нелюди» как бы меняются местами друг с другом: в одних прагматических условиях, предположим, *людьми* будут называться ремесленники в противоположность крестьянам, в других – наоборот. «Плавающая» точка зрения имеет **границы, пределы варьирования** – сферы, которые уже не являются «людскими», не освоены дериватами изучаемого слова, однако сохраняют с ним устойчивые оппозиции. В этих сферах переход «нелюдей» в «люди» не происходит. Таких границ две – внутренняя и внешняя.

Внешняя граница отделяет «людей» от **животных и техники**.

Противопоставление людей **животным** фиксируется устойчивой оппозицией «люди – звери» (чаще всего – волки и собаки): *Люди дорогой, а волк стороной; По наречью (по речным берегам) люди, по сухменю волки* [Даль II: 284, 466], *Кушают одни только свиньи, а люди едят* [ПРН 2: 664], *При такой температуре люди не выживут – разве что собаки; Как звери себя ведут – не по-людски* и т.п. Показателен способ нейтрализации оппозиции «люди – звери», которым пользуется О. Манделъштам, оформляющий «людей» по «звериной» словообразовательной модели: *Были мы люди, а стали людье; И по-звериному воет людье, и по-людски куролесит зверье*.

Частный вариант этой же оппозиции реализуется в названиях растений, которые воспринимаются как предназначенные в пищу для людей или для животных (домашние, «окультуренные» – дикие), например: *людской щавель (= свойский) ‘щавель домашний’ (У нас знают щавил трёх сартоф: свойский, люцкой шищавель, конская и варабынай)* [БТДК: 272], ряз. *людíный* ‘предназначенный для людей’ (*Щавель людиный*) [СРНГ 17: 242] (ср. также блр. *людзіны* ‘съедобный, пригодный в пищу’ (*У нас ваўчыныя толькі грыбы, іх няможна есьці, а людзіныя яшчэ ня вырасьлі*) [СЦРБ 1: 218]). Чаще всего «культурный» («людской») полюс этой оппозиции не получает лексической маркировки, а маркированным оказывается «дикий» полюс: *мышиный горошек, заячья капуста* и т.п.

Противопоставление людей **технике** фиксируется в семантике литер. *люди* ‘в военном быту – живая сила (в противоположность технике)’ [ССРЛЯ 6: 442–443]. Характерно, что синонимом слова *люди* в этом значении становится сочетание *живая сила*. Близкая семантика – у влг. *нарóдом* ‘вручную’ (*Народом чижало стало водить, стали водить лошадям еки копёлки*) [КСГРС].

Внутренней границей служит парадоксальный и нежесткий (но все же весьма отчетливо устанавливаемый языком) водораздел между сферой **людского** и сферой **человеческого**. Его существование можно показать на примере наречий *по-человечески* и *по-людски*. В ряде словоупотреблений эти наречия имеют тождественную контекстную семантику – например, ‘так, как приемлемо для людей, с учетом их запросов (о бытовых условиях, обстоятельствах жизни)’, ср. пары сходных по смыслу контекстов: *Не по-людски жить в пожилом возрасте трудно, нет сил таскать воду ведрами // Успеют ли ветераны пожить по-человечески?; Не сумели не только сберечь солдат, но и похоронить по-людски. А по-людски – не безымянная могила // Хочется похоронить маму по-человечески* etc.; ‘так, как люди должны относиться друг к другу, с учетом этики межличностных отношений’: *Мы люди, и с нами надо обходиться по-людски // К людям и к женщинам в частности вообще надо стараться относиться по-человечески, а не в какой-то определенный день; И вести себя можем по-людски, но только с людьми, которые сами ведут себя по-людски // Научитесь сначала вести себя по-человечески, а не «да мы щас придем, всех замочим...»*,

Новые декреты, братские могилы, Все как у людей, Все как у людей, Вот и все, что было, не было и нету. Правильно и ясно, здорово и вечно. Все как у людей, Все как у людей, Все как у людей, Все как у людей, Все как у людей, Все как у людей, Все как у людей, Все как у людей, Все как у людей, Все как у людей».

тогда и общаться с вами будет приятно; По-русски типа без проблем, если есть конкретные вопросы, так по мылу либо через личное сообщение, а вашу ругань не принимаю, надо по-людски дела решать // В Москве знают о заявлении президента Михаила Саакашвили о том, что надо по-человечески этот вопрос решать, чтобы для России это было достойно и др.

Однако выделяется смысловая зона, где пути этих наречий расходятся, – это зона **личностных эмоциональных состояний**, переживаний, желаний, куда вхож отдельный человек, но не впускаются «люди». Речь идет о тех случаях, когда наречие *по-человечески* сочетается с предикатами внутренних состояний – *жаль, приятно, понятно, хочется* и т.п.: *Министр обороны Иванов заявил, что «по-человечески сочувствует» полковнику Буданову; Девчонки, а мне как Борисовну жалко по-человечески; Борису Говорину, по его словам, по-человечески приятно, что к руководству алюминиевой отрасли в Сибири пришли новые люди; На что можно было по-человечески надеяться – так хотя бы на право быть выслушанным.* Замена *по-человечески* на **по-людски* в этих случаях, кажется, невозможна. Противопоставление *по-людски* и *по-человечески* выражено, к примеру, в таком контексте: *Народ, надо оттопыриваться по-людски, а то мы всё по-человечески* (студенты – о ночном клубе), который можно «перевести» следующим образом: «нам всё предлагают “духовные ценности”, а надо думать о развлечениях, о комфортных условиях жизни и отдыха».

VI. Определив границы, пределы варьирования личностного и социумного значений, представим **идеографические сферы**, в которых функционирует слово *люди* (в своих вторичных значениях) и его дериваты: ЧЕЛОВЕК «ФИЗИЧЕСКИЙ»; ОБЩЕСТВО, СОЦИУМ; ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; КУЛЬТУРА, ИДЕОЛОГИЯ; ПРОСТРАНСТВО; ОБЩИЕ СВОЙСТВА ТЕЛ И ВЕЩЕСТВ (внутри некоторых из этих сфер выделяются более узкие по семантике разделы). Данные сферы характеризуют широту и своеобразие смыслового пространства, центром которого является слово *люди*. Как уже говорилось, в первую очередь мы обращаем внимание на семантику дериватов изучаемой лексемы (такие связи являются наиболее сильными и устойчивыми); выявляемые при этом значения могут подкрепляться теми смыслами, которые обнаруживают механизмы семантической сочетаемости. В единичных случаях особенности семантической сочетаемости становятся основным критерием для выделения частных разделов. Это делается лишь тогда, когда «партнерские» отношения в пределах контекста отвечают условию повторяемости, воспроизводимости (контексты при этом приобретают некоторую идиоматичность, двигаясь по направлению к фразеологизации).

ЧЕЛОВЕК «ФИЗИЧЕСКИЙ»

ПОЛОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Как известно, слова, обозначающие человека, во многих языках мира, в том числе в ряде славянских и в древнерусском¹⁰, дают также «конденсированное» значение ‘мужчина, муж’, которое издревле отражало представления о том, кто наилучшим образом соответствует статусу свободного человека. Проецируется ли «**мужское**» значение на семантику слова *люди*? Б. Нильссон не обнаруживает такого значения в современном русском литературном языке, указывая, что «слово *люди* в отличие от слова *человек* во всех видах референции сохраняет немаркированность» [Нильссон 1999: 101] (имеется в виду гендерная немаркированность. – Е.Б.). В качестве возражения можно было бы указать на устойчивое сочетание *молодые люди* ‘молодые мужчины, юноши’ (*С городскими молодыми людьми она видится только на бале у откупщика.* Гончаров) [СлРЯ II: 210], которое коррелирует с сингулятивом *молодой человек*. Конденсация в сторону «мужского» значения известна древнерусскому языку [Колесов 1986: 143], а также другим славянским языкам: укр. диал. *л’уд* ‘мужчина’, ст.-польск. *lud* ‘мужчины’, сербохорв. *људи* ‘то же’¹¹

¹⁰ О «мужской» семантике продолжений слав. *čelověkъ* см. в [ЭССЯ 4: 48–49].

¹¹ О логике появления этого значения см. в [Дегтярев 1981: 86–87].

[ЭССЯ 15: 195–196]; ср. также ироничную поговорку, косвенно указывающую на «нелюдскость» женщин (которая, кстати, превращается в «людскость» в ситуации производительного труда): блр. *Ак жнуць – и бабы людзі* [СПЗБ 2: 703]. Однако из-за семантики множественности, свойственной дериватам **l'ud-*, половая дифференциация проявлена в значениях слов этого гнезда значительно слабее, чем в гнезде **čelovek-*.

В нашем распоряжении имеется один факт, фиксирующий наличие в гнезде *люд-* «женского» значения: *пблуди* ‘женщины, «бабы»’ (*Мужики молотили, а полуди-то грибы собирали*) [КСГРС]. При всей неожиданности этой семантики ее появление вполне закономерно: гендерный смысл здесь может быть производным от смысла «статусного», поскольку выполняемая бабами работа явно признается занятием более «низким», чем мужская (см. раздел СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС). Однако единичность рассматриваемого факта не позволяет уверенно говорить о «женской линии» в семантике гнезда *люд-* (хотя ср. еще блр. *людзіна* ‘женщина’ [ЭСБМ 6: 96]).

ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ

«Людскость» может рассматриваться как **физическое здоровье**: *лбдный* ‘здоровый, полный, крепкий (о человеке)’ (*Девка-то людная да стройная*) [СПГ 1: 498], орл. *излюдеть* ‘стать больным, хилым’ [СРНГ 12: 142], *выйти с людей* ‘потерять силы, состариться, ослабеть’ [СПП: 51], *не дойти до людей* ‘не достичь в своем физическом, духовном развитии полагающегося уровня’ (*Маломальской какой-то, не дошел до людей*) [АС 2: 117] (ср. сербохорв. *лудина* ‘крупный человек’, диал. *луда* ‘высокий, толстый человек с широкими плечами и грудью’ [ЭССЯ 15: 192, 195]; ср. также ворон. *мирской* ‘прозвище – очень полный (о человеке)’ [СРНГ 18: 174], нвг. ниж. каз. *человечный* ‘рослый и плотный, видный собою, мужественный, молодец, ражий’ [Даль IV: 588]).

ВОЗРАСТ

Определяя возрастной ценз «людей», язык указывает, что это **не дети** (*людской* ‘взрослый, большой’ (*Люцькой ли парень, а удит. Большого возьми за ногу, большой падёт, а дефка люцька-ле – стала обувать – дефка ряць на пол*) [СРГНП 1: 399], коми (рус.) *людской* ‘взрослый’ (*Людской ли ребёнок, а вы его уже на работу отправляете*) [СРНГ 17: 244]) и **не старики** (костр. *излюдеть* ‘постареть’ [ЛК ТЭ]). Люди – те, кто находятся в **производительном возрасте**: *бэзлуди* ‘кто не может работать’ (*Люди фсе на синакосе, астались только безлуди*) [ПОС 1: 154], влг., ленингр., пск., смол. *бэзлудье* ‘люди, негодные (обычно по возрасту) для работы’ (*Старый да малый – одно безлудье осталось дома, все ушли на сенокос*) [СРНГ 2: 192]. Для женщин этот возраст определяется способностью рожать: костр. *вълудеть* ‘достичь способности рожать’ [ЛК ТЭ].

ОБЩЕСТВО, СОЦИУМ

Данная сфера наиболее обширна и разнообразна, поскольку люди – это в первую очередь социальный феномен. Собственно, само слово *люди* может употребляться как синоним слова *общество*, ср. литер. *на людях* ‘среди людей, в обществе’, *на люди* (*показаться, выйти, пойти* и т.п.) ‘в общество, в общественные места’ и т.п.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС, ПОЛОЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ

Здесь объединены значения, которые содержат общую оценку социального статуса в категориях **свободный – зависимый**, занимающий **высокое – низкое положение в обществе**. Как и следовало ожидать, семантика интересующего нас слова дает своеобразные «статусные качели» с большим размахом колебаний. Статусные значения многочисленны и разнообразны; не перечисляя их, дадим самую грубую характеристику логики семантического развития (подробнее см. в [Бенвенист 1995: 212–219; Дегтярев 1981; Иванов 1975: 18; Колесов 1986: 139–146; Степанов 1997: 557–558; Трубачев 1959: 168–170]).

Исходный пункт смыслового развития приписывает «людям» статус **свободных членов рода**: этимологическая связь слав. **l'ud-* с и.-е. **leugh-* ‘расти’ (сюда же, к примеру, греч. *ἐλεύθερος*, лат. *liber* ‘свободный’, *liberi* ‘дети’) позволяет трактовать слав. **l'udь* как

обозначение этнической группы, совокупности свободных людей, совместно родившихся и развивавшихся [Бенвенист 1995: 213]¹², ср. др.-рус. *люди, людие* ‘свободное население страны, княжества, города’ [СлРЯ XI–XVII вв. 8: 341].

Следующее звено смыслового развития, осуществлявшегося параллельно процессам социальной дифференциации, заключалось в том, что, при сохранении предельно обобщенного значения слова, различными способами уточнялся статус «людей» как массы, как целого (войска, подданных, верующих и др.), противопоставленного правителю (князю, боярам, царю, Богу). Возникающие при этом значения слова *люди* и его дериватов содержат языковую реакцию на противостояние народных масс и личности, при котором народные массы оказывались на нижнем ярусе социальной пирамиды, зачастую становясь **зависимыми** (*Царю люди (или слуги) нужны* [Даль II: 284])¹³. Ср.: др.-рус. *люди, людие(ье)* ‘зависимые лица, а также слуги, челядь, рабы’ (*А что моихъ люд(и)и купленыхъ, а тымъ дал есмь (свободу)*), ‘низший слой свободного населения’ (... *И рѣше бояре и людье: тобѣ кня(же) достоитъ блюсти головы свое*), ‘миряне; люди, не принадлежащие к духовенству’ [СлРЯ XI–XVII вв. 8: 341–343], *люди* (устар.) ‘прислуга, работники в барском доме’, *людской* (устар.) ‘предназначенный для дворни, слуг’ [СлРЯ II: 210] и др. (эти значения пересекаются с широко известными значениями слов *мир* и *народ*, а также коррелируют с семантикой сингулятива *человек*¹⁴).

Современный дискурс дает иную расстановку акцентов. Противопоставление власти и «людей» сохраняется, но семантика непосредственной социальной зависимости уступает место семантике **неофициального статуса** «людей», являющихся, так сказать, объектами власти, ср.: *На площади шла активная подготовка к демонстрации, выделили место для «официальной» трибуны и сектор, где будут стоять «люди»; Так повелось, что когда мы куда-то едем, он берет на себя представительские функции, а мы остаемся кем? – Просто людьми; Мечников из руководителей нового типа, старается быть ближе к людям* (ср. фразы из дискурса «руководителей»: *Люди нас не поймут* или *Надо думать о людях*)¹⁵.

Однако смена точки зрения позволяет «людям» подняться на высокую ступень социальной пирамиды. Если семантика социального «низа» обусловлена противопоставлением личности и масс, то семантика **социального «верха»**, которую тоже может выражать слово *люди*, появляется при противопоставлении разных социальных групп друг другу: группа, к которой принадлежит говорящий (описываемая местоимением *мы*), вводится в оппозицию другим группам, т.е. «людям». В оппозициях **личность – люди** и **мы – люди** складываются определенные внутренние отношения, при которых один из элементов определяет референцию другого (наиболее референциально неопределенный элемент оппозиции – слово *люди*, поэтому именно оно оказывается определяемым). В паре **личность – люди** ведущим элементом оппозиции, от которого направлен номинативно-референциальный вектор, оказывается **он, правитель**; «ведомый» элемент оппозиции – **мы**, те, кто остались, подчиненные, «люди». В паре **мы – люди** ведущий элемент для определения референции **мы**, «наша» социальная группа, которая считает себя по каким-

¹² Несмотря на иную трактовку генетических связей изучаемого слова, О.Н. Трубачев считает, что для слав. **ludъje* и родственных образований значение ‘свободный’ было весьма древним [Трубачев 1959: 168–170]; о значимости признака свободы в древней семантике «людей» говорит и Вяч.Вс. Иванов [Иванов 1975: 18].

¹³ Ср. подробный анализ оппозиций, одним из членов которых является *lud* ‘народ’, функционирующих в польском языке: *lud – panowie* ‘господа’, *lud – uczeni* ‘образованные’, *lud – bogacze* ‘богатые’, *lud – władza* ‘власть’ [Бартминовский, Мазуркевич-Бжозовска 1993].

¹⁴ Ср. литер. *человек* ‘дворовый слуга или вообще помещичий крепостной слуга’, ‘официант в трактире в дореволюционной России’ [СлРЯ IV: 659].

¹⁵ Отраженная в языке трактовка *людей* как субъектов неофициальной, частной жизни коррелирует с семантикой сингулятива *человек* (и ощущито усиливается в ней), ср. контексты вроде *Я много лет знаю его как руководителя и как человека; Мы глубоко ценим ее человеческие качества – искренность, отзывчивость, готовность прийти на помощь; Он мне нравится как человек, но его организаторские способности ниже критики* и т.п.

либо статусным признакам противостоящей другой группе, занимающей более высокое положение в обществе; **они** для нас другие, чужие = «люди».

Противопоставление социальной группы, к которой принадлежит говорящий, «людям» отражено в самой яркой в плане эмпатии группе «людовой» фразеологии, образная основа которой трактует достижение статуса «людей» в терминах пространственного перемещения. Такое перемещение может быть реальным, связанным с уходом из дома (чтобы *людей посмотреть и себя показать*) по той дороге, которую прошел внук деда Каширина: литер. (устар.) *пойти в люди* 'пойти в услужение, на работу по найму' (–*Ну, Алексей, ты – не медаль, на шею у меня – не место тебе, а иди-ка ты в люди...* Горький) [ФСЛРЯ: 234], а может быть виртуальным: литер. *выйти* (*выбиться* и т.п.) *в люди*; *вывести* и т.п. кого-л. *в люди* 'занять высокое или прочное положение в обществе, в жизни; доставить такое положение' ((*Судьбинский*) *выйдет в люди, будет со временем ворочать делами и чинов нахватает*. Гончаров; *Потом стали представляться ей вопросы более отдаленного будущего: как она выведет детей в люди*. Л.Толстой; *Он выбился «в люди» из семьи мелкого лавочника, и путь его вверх не всегда был честным путем*. Фадеев) [ССРЛЯ 6: 442–443], *выйти* (*произойти*) *в люди* 'занять более высокое положение в обществе, в жизни' [СЛРЯ XVIII в. 12: 20], *Коли в люди выведут, так и живется* [Даль II: 284] и др. Сходный смысл выражает идиома *выйти на русь* 'выйти в люди, набраться опыта, получить образование' [СГРС 2: 226], 'покинуть свое село' [АОС 6–7: 240], ср. также нвсиб. *обрусеть, повёрсуть* 'стать культурнее, образованнее' [СРНГ 22: 213; 27: 277]. Интересно, что *выход* (*хождение*) *в народ* тоже имеет эмпатическую окраску, но прямо противоположную символическую подоплеку: *выход в люди* – это восхождение по социальной лестнице, *выход в народ* – снисхождение. Справедливости ради надо отметить, что «восхождение в люди» может вызывать глубокую иронию у окружающих: *Выябедничался в люди* [Даль I: 328].

Высокий социальный статус «людей», тесно связанный с материальным благополучием, отмечается и другими способами: литер. *жить по-людски / не по-людски* 'о сравнительном благополучии (неблагополучии) кого-л.' (*Уж не то, чтобы счастья, а хоть бы жить-то по-людски*. А. Островский) [ССРЛЯ 6: 446], *в людях* (*быть*) 'иметь самостоятельность, прочное положение в обществе' (*Вот одного доростить осталось, остальные в людях*) [СРГК 3: 169], *На людей глядя жить* (т.е. не по достатку) – *на себя плакаться* [ПРН 1: 213], *живут же люди!* 'реплика завистливого восхищения чужим благополучием, довольством, богатством (часто с оттенком осуждения)' [БРЭР: 302] и др., ср. также блр. *людзец* 'быть уважаемым, почитаемым' [Сцяшковиц: 243]. Эту же идею выражают следующие «отрицательные» номинации: литер. *бывшие люди* 'потерявшие свое положение, опустившиеся люди' (*Учитель приносил с собой газету, и около него устраивалось общее собрание всех бывших людей. Они двигались к нему, выпившие или страдавшие с похмелья, разнообразно растрепанные, но одинаково жалкие и грязные*. Горький, *Бывшие люди*); 'о лицах из эксплуататорских классов России, лишившихся в результате Великой Октябрьской социалистической революции своего привилегированного общественного положения' [СЛРЯ II: 210], барнаул. *безлюдца* 'отсутствие культурных или дельных людей' [СРНГ 2: 192], *безлюдье* 'бесправные люди' (*Мы, говорит, люди, а вы – безлюдье. Вот по таким покосам мы и косили, безлюдье*) [ДСРГСУ: 21].

СОБСТВЕННОСТЬ (СВОЙ – ЧУЖОЙ – НИЧЕЙ – ОБЩИЙ)

Значения, попадающие в данную смысловую сферу, прежде всего производны от эмпатического 'они, другие': людское – это в первую очередь **не своё**, ср. костр. *людёвый* 'чужой, не свой' (*Людёвые деньги-те легко тратить*) [ЛК ТЭ], *людской* 'относящийся к посторонним лицам, чужой' (*Да вот людски коровы прошли, а наши не*) [СРГК 3: 169], арх., влг., ряз. *людской* 'чужой' [СРНГ 17: 244] и др. Значение 'чужое' тесно соседствует со

значением **общего, общественного**¹⁶: влг. *полюдь* ‘складчина’ [КСГРС], название поля *Людское* (*Тамока горох сажали, он был общёй*) (яросл.) [ТЭ] (гораздо активнее, чем корень *люд-*, такую семантику развивает корень *мир-*: твер. *мирской бык* ‘общественный бык-производитель при единоличном хозяйстве’, *мирица* смол. ‘мирское (общественное) имущество’, влад., моск. ‘общественное вино, купленное или собранное вскладчину всем миром’, самар. ‘зерно для помола, принадлежащее членам сельской общины’ и др. [СРНГ 18: 174–175] и др.; ср. посессивные названия в топонимии: поле *Мировая* (влг.), покос *Мирские Луга* (влг.), лес *Мирские Подсеки* (влг.), поле *Мирской Выгородок* (арх.), покос *Мирская Чища* (влг.), поле *Мирское* (арх, влг., яросл.), покос *Мирица* (арх., костр.) [ТЭ]; ср. также литер. *народный* ‘государственный’, *народский* ‘общественный, предназначенный для общего пользования’ [СлРЯ XI–XVII вв. 10: 217]).

В свою очередь, семантика общего легко перетекает в семантику **«ничейности»**, ср. функционирующие в современном русском общем жаргоне характеристики предметов, собственник которых неизвестен (а значит, ими пользуются все желающие): *людской, казённый, государственный* (типичны контексты вроде: *Чья конфетка? Никто не признаётся? Значит, людская (государственная), я её ем*). Эта семантика «общественности» = «ничейности» косвенно представлена в обозначении незаконнорожденного ребенка: влг. *людица* ‘незаконнорожденный ребенок’ [КСГРС]; ср. перм. *мирён* (*мирон*) ‘незаконнорожденный ребенок’ (с примеч. «от слова *мир* – народ»), ряз. *мирской* ‘незаконнорожденный’ [СРНГ 18: 171, 173–174]¹⁷.

Возвратное движение «эмпатического маятника» (дающее возможность противопоставить собственность государственную и собственность отдельных лиц) приводит к появлению семантики **личного, частного**: блр. *людзі* ‘личный’ (*Гэто колхозны товар* [скот. – Е.Б.], *а гэто людзке*) [ТС 3: 55].

Таким образом, «людская» лексика занимает все четыре позиции, которые возможны в сфере СОБСТВЕННОСТЬ. Этот смысловой диапазон определяется изменениями фокуса эмпатии.

ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ

Данный раздел мы считаем возможным включить в сферу ОБЩЕСТВО, СОЦИУМ, поскольку речь пойдет о таких чертах характера, которые проявляются исключительно в социуме.

Современный русский литературный язык не знает «характерологических» дериватов корня *люд-* – за исключением *нелюдимый* ‘избегающий общения с людьми, предпочитающий одиночество’, которое принадлежит, пожалуй, в равной мере к сфере темперамента (ср. в говорах: *безлюдь* ‘нелюдимые, необщительные люди’ (*Ня любят ни людей ни сябя – вот безлюдье*) [ПОС 1: 154], дон. *нелюдёвый* ‘нелюдимый’, орл. *нелюдной* ‘застенчивый, робкий’, пск., твер. *нелюдиться* ‘избегать людей, дичиться’, костр., пск., ряз., твер., яросл. *нелюдь*, пск., твер. *нелюда* ‘нелюдимый человек’, арх. *неналюдный* ‘необщительный, боящийся людей, избегающий их’ (*В ясли-то не носят детей, жалеют: они неналюдны, прячутся*) [СРНГ 21: 75–76, 94]). Говорам известны и «положительные» значения. При этом большинство формулировок диалектных словарей можно свести к семантике **коммуникабельности, контактности**: брян. *полюднеть* ‘стать общительным, приветливым’ (*Сын в армии полюднел*) [СРНГ 29: 186], *людеть* ‘становиться более общительным, человечным’ [ЯОС 6: 22], арх., влг. *людской* ‘общительный, коммуникабельный’ [КСГРС], пск., твер. *полюдный* ‘общительный, обходительный’ [СРНГ

¹⁶ В качестве параллели можно напомнить хотя бы широко известный эпизод с семантикой польского слова *obcu* ‘чужой’ (< праслав. **obščijь* ‘общий’).

¹⁷ Думается, что для формы *мирон* аттракция к имени собственному вторична и имеет шифровальный эффект. Смысловые связи с этими номинациями имеют также влг., ряз. *мирица* ‘венерическая болезнь’, влг., вят., казан. *миронья*, смол. *мирёница*, *мирёница* ‘о женском половом органе’ [СРНГ 18: 173, 175].

29: 186], *людимый* ‘общительный’ (*А бывает человек ветлый – эта разговорный, висельный, людимый, в опшым*) [СГСЗ: 253], *людный* ‘то же’ [ДСРГСУ: 290], *людимый* ‘общительный, веселый’ [НОС 5: 58], *люденой, лóдной, людской, людявый* ‘общительный, незамкнутый’ (*Не людной, не игромой народ ноне стал; Дочка весёлая, люденная была; Ну он гостеприимный, такой людской парень, с кем хочешь, сразу познакомится; Теперь уж я престарелая, так и не людявая, всё дома сижу*) [СРГК 3: 169–170] и др. Сходная семантика встречается в гнездах *мир-* и *народ-*: *нарóдный* ‘общительный’ (*Спрашивайте Катерину, она народная, разговорная, а мы чё – тулаи. Народные будьте, не стесняйтесь никого. Шибко он у нас народной – и с молодым, и со старым*) [СПГ 1: 566], ‘то же’ (*Я ведь народная, меня все знали*) [СВГ 5: 65], ‘гостеприимный’ (*Они хорошие, народные, пригласят, накормят*) [СРГА 3/1: 130], твер. *немиролюбивый* ‘необщительный’ [СРНГ 21: 81], ср.-урал. *ненарóдный* ‘необщительный’ (*Уж больно я не люблю ненародных*) [СРНГ 21: 95] и др.

Общительность людей имеет характерную «специализацию» – особо проявленную вербальную составляющую, доходящую иногда до **болтливости**: арх. *людской* ‘разговорчивый, говорливый’ (*Дед у её людской, любит поговорить*) [КСГРС], свердл. *людивый* ‘то же’ [СРНГ 17: 242], ср. блр. *людны* ‘говорливый, болтливый’ (*Ты вельми людна, отозвацца не даешь*) [ТС 3: 55], сербохорв. диал. *људдвати* ‘разговаривать, болтать’ [ЭССЯ 15: 194]¹⁸.

Однако в русском языке XVIII–XIX вв. со словом *людскость* связывалось представление не столько о контактности (черте довольно внешней «фатической» и отчасти «темпераментной»), сколько о более глубокой, этически выверенной **«настроенности на людей», участливости, доброте**: *людскость* ‘снисходительное, учтливое обращение в поступках и речах; уважение к другим, благорасположение к подобным себе’ [САР 3: 1380], *людскость* ‘человечность, человеколюбие’ [СлРЯ XVIII в. 12: 21], *людкость, людскость* ‘свойство, состояние людского; доброе, кроткое, радушное расположение; человечность, гуманность’ [Даль II: 284]. Эта тема развивается в лексике других славянских языков, собирающей широкий круг значений, интегральной для которых служит семантика **соответствия высокой морали, этике межличностных отношений**: польск. *ludzki* ‘свойственный натуре человека, соответствующий натуре человека, понимаемой как добрая, поэтому обладающий доброжелательностью, пониманием взглядов других людей; гуманный, милосердный, добрый, приветливый (раньше также гостеприимный)’ [SJP 4: 219], укр. *людський* ‘порядочный, разумный’, *людськість* ‘гуманность, человечность’ [Гринченко 2: 388], блр. *людскасць* ‘человечность, участливость’ [ТСБМ 3: 68], *людны, людный* ‘добрый, человечный’ [СПЗБ 2: 704], *людскі, люцькі, людзкі, людськэй* ‘такой, у кого высокая мораль, совестливый, благородный, отзывчивый’ [ЭСБМ 6: 97], сербохорв. *људскі, људскі* ‘свойственный благородным людям, человечный, гуманный; отличающийся положительными качествами, достойный’, словац. *ľudský* ‘добродетельный, гуманный’, диал. ‘порядочный, честный’, польск. диал. *ludzki* ‘отзывчивый’, ‘доброжелательный, помогающий людям’ [ЭССЯ 15: 204] etc.

¹⁸ Вообще, мир людей подается как мир активной вербальной коммуникации; частотные контекстные партнеры слова *люди* – *говорить, беседа, молва, слухи* и т.п.: *Звоны хваляцца по голосу, люди – по беседе* [Даль I: 672], *Что люди говорят, то и правда (то и сбудется); Пусти уши в люди, всего наслушаешься; Молва (слух, речи, слава) не по лесу ходит, по людям; Знают и в Казани, что люди сказали* [ПРН 3: 79–80, 83], *Людей не слушать, в добре не жить* [Снегирев: 215], *Люди говорят, молва ходит* [Даль II: 284], *лю́дство говорит* ‘люди говорят; идет молва’ [БТДК: 109] и др.; ср. также с *людей* ‘понаслышке’ [СПГ 1: 497] и мн.др. Речевая активность людей нередко враждебна по отношению к отдельному человеку: *Нельзя всего того говорить, что люди говорят* [Даль I: 363], *Облихован людьми, и плачься на себя; Говорю людскую честить, отца-мать забыть* [ПРН 3: 79, 87], *Людей слушать – осла на плечи взвалить* [Даль II: 284], *Будет в поле рожь, будет и в людях ложь* [ПРН 1: 383].

Русским говорам тоже известны значения из сферы этики межличностных отношений. В них ощущается некоторый перенос акцентов по сравнению с последней группой значений (функционирующих преимущественно в литературной традиции): они в меньшей степени «личностны», но более «социально-нормативны», поскольку заостряют внимание на способности вести себя, как **положено среди людей, уживаться с людьми** – соответствовать социально закреплённым нормам взаимоотношений, складывающимся как в процессе общей работы, так и в традиционном общежитии: *людíвый, лю́дный, людско́й* ‘уживчивый’, ‘готовый прийти на помощь’ (*Он людивой, а понятней-то – народной, опцой*) [КЭИС], костр. *слю́дный* ‘такой, который хорошо уживается с людьми’ (*Слюдная баба, с ей любой зять уживётся*) [ЛК ТЭ], *людско́й* ‘человеколюбивый’ (*А какой лютской был! Придёт нищой – последней кусок оддас*) [СРГСУ II: 109], *людíмый, людмя́ный* ‘общительный, хорошо относящийся к людям человек’ (*Он свой человек, людимый, все его знают, все любят; Такая она к народу людмяная*) [ЯОС 6; 22], ср. также контекст к слову *людско́й* ‘такой, как все люди’ (словарная дефиниция в данном случае слишком расплывчата): *Шофер не взял, проклятый. Вздыхнула руку – так не взял, а он порозний едет, хохочет. Ведь людской был бы, остоялся: «Садись, старушонка»* [СРГК 3: 169]. Это же значение «**социальной толерантности**», уживчивости может быть выражено словами *наро́дный, мирско́й, общо́й, сосе́дливый, спáрчивый, това́ристый, фами́льный, срóбливый, арте́льной* и т.п.: *Я роблю с деушкой такой спарчивой, дружелюбна она, со всемя сойдётся; Он парень мирской, всё как надо сделает, как положено, могилу выкопат и денег не возьмёт* [КЭИС], *Народный – это когда дружно живет со всеми. Он, скажут, народный, некуражливый значит*) [СРГПриб 2: 109] и др. В «людском» поведении парня, который не берет денег за выкопанную могилу, шофера, подвозящего старушку и т.п., проявляется осязаемый подтекст негласной общественной нормы (более подробно о различиях между диалектными и литературными значениями см. в [Березович 2004: 7–8]).

Кстати, приведенный материал – и особенно словообразовательная структура и семантика слова *слюдный* – заставляет думать о том, что сходную модель могло бы реализовывать слово *смирный*. В прошлом эта лексема явно обладала более высокой значимостью и аксиологической нагрузкой, чем в современном литературном языке: образованная от *смирный* фамилия *Смирнов* является второй по частотности среди русских фамилий, находясь между *Ивановым* и *Кузнецовым* [Журавлев (в печати)]; трудно предполагать, что такой ономастический эффект могла бы дать современная «темпераментная» семантика *смирного*. Возможно, в основе фамилии *смирный* в значении *‘такой, который уживается с миром’ (как *слюдный* – с *людьми*)¹⁹. Однако этот вопрос заслуживает отдельного неторопливого обсуждения.

В то же время смещение точки зрения проявляется и в этой смысловой сфере: если люди – это «мы», то от нас требуется внимательное и терпимое отношение друг к другу; если люди – это «они», то «на людях» подчас ведут себя «на экспорт» (*Прибойчись, чтоб в люди показаться* [Даль I: 108], *В людях тороват казался, а дома никому не казался* [Снегирев: 53], *Накуксилась, да и ходит, чтоб люди видели, как она плакала!* [Даль II: 430], *Когда людно, хромат, а когда дома, то в пляс идёт* [СРГС 2: 243], *В людях Ананья, а дома каналья* [Даль II: 284]), неестественно – и даже вызывающе и заносчиво. Соответственно семантика «социальной толерантности», способности жить в согласии со средой сменяется семантикой **высокомерного, вызывающего поведения**: влг. *нали́дничать* ‘вести себя высокомерно, задаваться’ [КСГРС], *вылюжа́ться, вылюжыва́ться* ‘держаться ненатурально, ломаться’ (*Ольга-та как нарядицца ва што-нибудь Галькина и ходить вылюжаицца, выказюливаицца; На уроке ребята при пьстаронних вылюжываюць*) [ПОС 6:

¹⁹ В этом случае подтверждается версия ESJS о том, что *смирный* следует трактовать как дериват **mír-*, а не **mě-* [ESJS 8: 477] (последнее предполагалось, например, в [Фасмер III: 688–689] из-за наличия форм с *ѣ* типа *смѣренный*).

12]; ср. *выйти на русь* ‘оторваться от своей среды’ (*В деревне жил, жил, да вышел на русь и начал сам себя высоко ставить*) [СГРС 2: 226]²⁰.

Эмпатический эффект дает также семантику **нарушения общественной морали**: *людная девка* ‘девушка легкого поведения’ (*Людны девки, оне гуляют, у их много ухаждёров: одного парня бросат, другого, сами себя хорошо не вели*) [СРГП: 71].

ЗАМУЖЕСТВО, СВАДЬБА

Данный раздел обнаруживает переключки с разделами СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС, ПРОСТРАНСТВО, ВОСПИТАНИЕ, однако отчетливо выделяется как отдельный, поскольку включает тематически специализированные значения. С.Е. Никитина обратила внимание на ключевую роль слова *люди* (чаще всего *добрые люди*) в текстах свадебных причитаний: «свои» добрые люди – *соседи спорядовые*, «чужие» – родня жениха; функция «людей» – быть людским судом; и «свои», и «чужие» люди разлучают невесту с семьей [Никитина 2004: 621–623]. Восприятие **замужества** как ухода из дома в люди отражается и в паремиологии (*Дочь, чужое сокровище. Холь да корми, учи да стереги, да в люди отдай; Вспоили, вскормили и в люди благословили, а живите сами* (говорит отец, благословляя дочь) [Даль I: 487, 248]), и в системе языка: *до людей* ‘до тех пор, пока не наступило время выдавать девушку замуж’ (*Кормила я тебя до людей, люди находятся, и иди замуж*) [СРГС 2: 243], *идти в люди* ‘выходить замуж’ (*Ты са сваим характерам в люди идти не гадисся*), *отдать в люди* ‘выдать замуж’ [СПП: 51], костр. *в люди* (выйдется) ‘замуж (выйдется)’, ленингр. *в людях* ‘в семье мужа’ [СРНГ 17: 242], *людиться* ‘обзаводиться семьей’ [СВГ 4: 60]. Таким образом, вступление в брак есть женский вариант «выхода в люди»; по отношению к мужчине и от его имени мотив «людей» в брачной теме практически не звучит (ср. разве что ироничные паремии *Согрешил я перед Господом, что люди меня оженили* [ПРН 2: 120], *Отдай жену в люди, а сам так живи* [Даль II: 284]).

С образом людей связан и собственно ритуал **свадьбы** – действия публичного: *сидеть на людстве* (обряд.) ‘в назначенный перед свадьбой день быть наряженными в свадебную одежду, принимать гостей, угощая их конфетами и орехами (о женихе с невестой)’ (*Жаних с нивестай нарядоуца, на люцтве сидеть штоп. Ну, увесь нарот хадил глидеть нивесту*) [СГСЗ: 428], блр. *людзяць* ‘играть свадьбу’ [СЦРБ 1: 218].

Важно отметить, что брачная тема представлена и в семантическом пространстве гнезда **mir-*. Ж.Ж. Варбот рассматривает кашуб.-словин. *mīŕa* ‘жених, новобрачный’, *mīŕota* ‘невеста, новобрачная’ как «реликты древнейшей семантики гнезда слав. **mirь*, отражающей заключение разного рода социальных соглашений, договоров, в частности – брачных соглашений» [Варбот 1981: 328]. Анализируя кашубские примеры и добавляя к ним более косвенные – смол. *мірить* о браке (попа) ‘договариваться (с попом) о плате за венчанье’, *мірную делать* ‘мириться’ (*У меня сестра тоже убегом убежала; родители сердятся, а через недели две придут мирную делать, мириться*), *мирком-ладком* ‘мирно-дружно’ (*Таперь хорошо. Слюбятя, пойдут распишутся, да и живут мирком-ладком*) [СРНГ 18: 171], *мировой дружка* ‘дружка на свадьбе’, В.Н. Топоров указывает на «глубокое и интимное проникновение мира в сферу брачных отношений, органическую связь понятий этих сфер» [Топоров 1993: 7]²¹.

²⁰ Сходная семантика проявляется у любопытной группы диалектных слов, образованных от названий больших городов и дающих представление о реакции жителя деревни на своего «выбившегося в люди» земляка: влад., моск. *намосквичиться*, влад. *намосквятиться* ‘перенять ловкость москвичей’ [СРНГ 20: 41], *начеркачиться* ‘усвоить говор и манеры горожан’ [СРДГ 2: 176], смол. *обпiтериться* ‘приобрести городские манеры, лоск’, ‘стать бесцеремонным, наглым’ (*Начал по верхам ходить. По яровому начал ходить. Обпiтерился*) [СРНГ 22: 189], влг. *напiтериться* ‘приобрести манеры жителя большого города’ (*Уехала учиться, дак напiтерилась, чубыриться над нами*) [КСГРС].

²¹ К коллекции В.Н. Топорова можно добавить еще *мирiться* ‘венчаться’ [ССГ 6: 100], *мирiться* ‘договариваться о предстоящей свадьбе, о размере приданого’ [СРГС 2: 278], *по миру ходить* (бегать) ‘собирать продукты на гулянье и на свадьбу у родственников’ [ЭИС II: 69], *мировойя* (в знач. сущ.) ‘вечеринка по поводу примирения кого-л. с кем-л.’ (*В тот же вечер мирову сделали* (о родителях и

Таким образом, люди (мир) выступают не только как свидетели свадьбы (замужества), но и как новая социальная среда, противопоставленная прежней «частной» жизни, вход в которую открывается замужеством, – более того, с людьми связывается само состояние брака как состояние наиболее важной и вместе с тем интимной социализации человека.

СИТУАТИВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ

Есть социальные роли, которые исполняются «людьми» ситуативно, в зависимости от обстоятельств. Таковы, к примеру, роли **свидетелей** (*люди* ‘свидетели’ (*Аже выбьютъ зубъ, а кровь видять у него во ртѣ, а людье выльзуть, то 12 гри(вень) продажѣ*) [СлРЯ XI–XVII вв. 8: 342], ‘то же’ [СДРЯ 4: 486], *третьи люди* ‘свидетели’ [СПП XVI–XVIII вв. 6: 30]), ср. также *люда* (угол.) ‘прохожие’ [БСЖ: 326]) и **гостей**: *въ людехъ* ‘при посторонних людях, при гостях, в гостях’ [СлРЯ XI–XVII вв. 8: 343], *на (в) вълюдье выйти* ‘в гости, в люди’ [ПОС 6: 12], *полюдье* ‘гости’ (*Я полюдье звать буду на праздник*) [СПГ 2: 160], костр. *полюд* ‘гость’, собир. *полюдье* ‘гости’ (*Не ждешь с утра полюда – а он у порога; Полюдья наехало полна изба*) [ЛК ТЭ]. Возможно, последние факты проливают свет на происхождение личного некалендарного имени *Полюд*, отмеченного в новгородских памятниках письменности: *Полюд Къснятинич*, новгородец (1140 г.); *Полюд*, новгородец (1215, 1224); *Полюд*, новгородский боярин (1268) [Тупиков: 313; ср. также Ономастикон: 253]; это имя легло в основу фамилии *Полюдов*, зафиксированной, в частности, на пермской территории: чердынец *Ивашка Тимофеев сын Полюдов* (1623) [Полякова: 179]. Если эта версия справедлива, то *Полюд* – «гость, пришелец»; можно предполагать, что *полюдом*, в частности, называли одного из сборщиков подати, ср. *полюдье, полюдие* ‘подать, дань, взимаемая древнерусскими князьями с подвластного населения, «людей»’ [СлРЯ XI–XVII вв. 16: 388]. В качестве семантической параллели следует привести основу *гость*, которая тоже фиксируется как антропонимическая, ср. *Гость, Гостюня, Гостена* и др. [Ономастикон: 86]. Интересные данные о *Полюдах* сообщает топонимия. Данная основа фиксируется в русской топонимии весьма устойчиво: гора *Полюдиха*, покосы *Полюдка* и *Полюдчино* (арх.), покос и ручей *Полюдовик*, речка *Полюдовица* (костр.), река *Полюдовка* (влг., костр.), деревня *Полюдово* (влг., костр.), гора *Полюдов Камень* (перм.) [ТЭ]; при этом две горы – *Полюдиха* в Архангельской области и *Полюдов Камень* в Пермской – связаны с легендами о живших на них богатырях по имени *Полюд*²². Богатырская «квалификация» *Полюдов*, как

дочери, вышедшей замуж «убегом») [СРГС 2: 278], *мириться, смиряться, с мировой приезжать* ‘просить прощения у родителей невесты после самовольного увода невесты’ [ЭИС II: 10], блр. *смірыцца* ‘помириться’ (*Яны разышлися, потым смірыліся і зноў запісаліся*) [СПЗБ 4: 504]. Ср. также *миронбсовица* ‘большой шерстяной платок, которым во время свадьбы накрывают лицо невесты’ [СВГ 4: 86].

²² С архангельским *Полюдом* связан известный фольклорный сюжет о перебрасывании топора; в данном случае топор бросают друг другу богатыри, имена которых восстановлены из оронимов *Полюдиха, Шалим (Шалимова)* и *Савинской Угор (Полюд да Шалим топорами перекидываются: надо сменяться топорами, у кого вострее; Савин и Полюд одной палкой дрова кололи. Друг другу перекидывали с горы на гору; Жил Полюд какой-то, богато жил, золото у него спрятано. Шалим да Полюд одним топором дрова рубили, перекидывали его; Полюд и Шалим кидали палку. Это предки, до нас жили. Поговорка была: «Эй, Полюд, брось мне палку!»; Между горами Полюдиха и Шалимова 22 километра. Когда Полюд и Шалим строили свои погосты, перекидывались топором, так как он один был на двоих. Порубит Шалим и кинет Полюду. Тот порубит и кинет Шалиму)* [ТЭ]. Пермский *Полюд*, по легенде, жил в окрестностях горы *Полюдов Камень* и славился своей силой. Когда чудь была побеждена и делать богатырям стало нечего, он ушел в каменную гору и спит там до сих пор [Матвеев 1990: 149]. Характерно то, что уральский *Полюд*, так же, архангельский, имел соседа-богатыря: рядом с *Полюдовым Камнем* находится *Колчимский Камень*; по преданию, здесь два одноименных богатыря долго и безуспешно бились между собой за власть над окрестностями. Убедившись в равенстве своих сил, оба они окаменели. По другому варианту легенды, богатыри *Полюд* и *Ватлан* окаменели после безуспешного боя за право обладания красавицей Вишерой [Конаков 1996: 31].

представляется, подтверждает нашу версию о мотивации данного имени, хотя возможны и другие мотивационные варианты²³.

Описанные роли возникают вследствие проекции семантики 'другие' на структуру некоторых ситуаций, при которой *людьми* становятся те, кто играет вспомогательную, не ведущую роль (не хозяев, а гостей; не участников происшествия, а свидетелей).

ЭТИКЕТ

В книжной традиции XVIII–XIX вв. «людскость» предстает как этикетное поведение: *людскость* 'учтивость, вежливость; воспитанность, умение вести себя в обществе' (*Заставляли <воспитанников>... представлять на театрѣ, танцовать и фехтовать..., что сдѣлало питомцев хотя в науках неискусными, однакоже доставило людскость и нѣкоторую розвязь в обращении*) [СлРЯ XVIII в. 12: 21], *людскость, людскость* 'приличие, пристойность во внешности, по навыку в хорошем обществе' [Даль II: 284],

В говорах этикетность сводится к требованиям к внешнему виду «людей» – это должна быть нарядная, праздничная одежда: костр. *людскóй* 'нарядный (об одежде)' [ЛК ТЭ], костр. *вѣлюдник*, олон., перм., пск., свердл., ярсл. *вѣлюдые* 'лучшая одежда, в которой ходят в гости, на гулянье и т.п.; праздничная одежда', олон. *вѣлюдые* 'обувь получше, в которой можно показаться чужим людям', перм., пск., свердл. *на вѣлюдые* 'для выхода в люди, в общество, принарядившись' [СРНГ 5: 307], *людíстый* 'нарядный' (*Девки на вечѣрках шибко людистые были*) [СПГ 1: 498], *вылюжáться* 'наряжаться, одеваться для выхода на люди', 'прихорашиваться' [ПОС 6: 12] и др. (ср. в гнезде с корнем *мир-*: костр. *миронóсовый платок* 'нарядный платок' [ЛК ТЭ], олон. *миронóсовик* 'шерстяной сарафан' [СРНГ 18: 173]).

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Трудовыми навыками язык наделяет не столько *людей*, сколько *люди*: в современном русском языке это слово специализируется на обозначении тех, кто трудится (*Много люду, много и труду* [СПП: 134]), сочетаясь в первую очередь с характеристиками *мастеровой, рабочий, трудовой* (*Вся эта местность была заселена сплошь мастеровым людом – сапожниками, скорняками, портными да мелкими лавочниками. Телешов; Вечером скудно освещенные улицы оживлялись: с завода и фабрик сюда – домой – тянулся усталый рабочий люда*. Голубева).

Если говорить о семантике других слов из данной сферы, то следует указать, что они близки «статусным» характеристикам (см. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС), однако здесь представлена не общая оценка статуса, а характеристика более конкретизированных видов деятельности. «Интрига» в этой сфере разворачивается вокруг оппозиции **крестьяне – ремесленники, рабочие**.

«Людьми» в первую очередь считаются **крестьяне**: влг. *людскіе* (в знач. сущ.) 'крестьяне' (*Родом я из людских, все поколения назад – всё людские*) [КСГРС], ср. блр. *людзі, людскэй* 'крестьянский' [СПЗБ 1: 704], сербохорв. диал. *lju(d)ski* 'то же' [ЭССЯ 15: 203] и др. (ср. также нижегор. *русский* 'народный, крестьянский' [СРНГ 35: 272]). Это объясняется как «простонародностью» крестьян, так и общинным характером труда. Значимость последнего условия подчеркивается тем, что ремесленники противопоставляются крестьянам именно вследствие своих занятий «индивидуальной трудовой деятельностью». Ср. зафиксированную в двух словарях поговорку, где дается характеристика кузнецов и сапожников: *безлюдые* 'нелюдимые, необщительные люди' (*Живут нелюди сапожники, безлюдья, кузницы*) [ПОС 1: 154], *безлюдые* 'знач.?' (*Нелюди – сапожники, безлюдье – кузнецы* (поговорка) [ЯОС 1: 47]). Эти «профессионалы» могли жить среди крестьян, но оставались маргиналами из-за того, что трудились не на глазах у окружающих, не «на людях», и «людям» были неподвластны секреты их профессиональной

²³ Другая версия предлагается А.В. Суперанской, которая считает, что имя *Полуд* связано с *полудный* 'общительный, обходительный' [СРЛИ: 273].

деятельности, ср.: «Чтобы стать “чужим среди своих”, достаточно обладать некими эзотерическими знаниями или умениями (знахарь, кузнец, мельник и др.)» [Агапкина 1994: 15].

Смена точки зрения дает другую оценку «профессионалов». Последние часто воспринимались как знак большого мира – мира «людей» (в горьковском смысле), горожан (ср. ст.-укр. *людіє* ‘горожане’ [ЭССЯ 15: 197]), того самого, куда отправлялись жители деревни, «выходя в люди», ср. тобол. *по людям* (жить, работать, шататься) ‘работать по найму, переходя от одного хозяина к другому’ [СРНГ 17: 242]. Тогда **ремесленники** становились «людьми»: яросл. *людская работа* ‘о вещи, произведенной не дома, не кустарным способом’ [ЛК ТЭ] (ср. *московская тётка* (*московская Параша*) ‘об одежде фабричного производства’ [СОГ 6: 147] – Москва, разумеется, трактуется как локус «людей»), ср. блр. (устар.) *людзі* ‘крестьяне, ремесленники, рабочие’ [эта словарная дефиниция имеет общий характер, но следующий далее контекст актуализирует значение ‘ремесленники’. – Е.Б.] (*Цыганы і людзі ездзілі*) [СПЗБ 2: 703], чеш. диал. *ludský člověk* ‘походивший по свету (преимущественно о торговцах свиньями)’ [ЭССЯ 15: 204].

КУЛЬТУРА, ИДЕОЛОГИЯ

РЕЛИГИЯ

Краткое упоминание об оппозиции **люди** – **Бог** (а тем более **мир** – **Бог**) банально, подробное рассмотрение требует отдельного большого исследования (богатые лингвокультурологические и философские аспекты проблемы освещены в [Топоров 1993], где рассматриваются, в частности, особенности взаимоотношений между *mir*-божеством, творцом и *mir*-коллективом), однако мы должны затронуть ее сообразно той логике анализа материала, которая принята в настоящей работе. Данный раздел стоит особняком в ряду других, поскольку здесь представлены главным образом контекстные связи (за исключением одного факта деривации); выделить его позволяет устойчивость этих связей и смысловая «вписанность» в общую концептуальную картину.

Люди действуют в союзе с **Богом**: *За (на) кого Бог, за (на) того и добрые люди; Бог да добрые люди дают; Кабы не Бог да не добрые люди!* [Даль II: 284], *За правду (за правого) Бог и добрые люди* [Даль I: 103], *Живи по-людски, да по-божьи, по-божески* [Даль III: 133] и др. Формулы *по-людски*, *по-божески* и *Бог да добрые люди* являются устойчивыми и активно употребляются в современном дискурсе: *По-справедливому новая власть рассудила, по-людски, по-божески: кто, мол, бедный – тот и прав; Поступили с ним не по-людски, не по-божески: взяли и выселили из квартиры; Бог да добрые люди помогли, не дали пропасть с голоду* и т.п. Аналогичные контексты для слов *народ* и *мир* (для последнего особенно) тоже представлены в изобилии: *Что мир порядил, то Бог рассудил; Чернецы из тех же мирян, а и миряне божьи люди; Мир, Бог на помощь!* (оклик бурлаков); *Где народ увидит, там и Бог услышит* [Даль II: 330–331, 462], *Мира никто не судит, а судит один Бог* [Снегирев: 224] etc.; ср. также параллелизм формул *мирское слово, мирская слава, от мирского суда не уйти* – но и *Божье слово, Божья слава, от Божьего суда не уйти* [Топоров 1993: 8].

Однако амбивалентность оценки «людей» нередко разводит их с Богом: *Бог Богом, а люди людьми* [Даль II: 284], *Люди с лихостью, а Бог с милостью* [Снегирев: 216], *Смилосердуется Бог, а не люди* [Даль IV: 234], *Бог помиловал, так люди одолели* [Даль III: 272], *Кара Божеская не людская; Людской изрок (суд) не Божий* (бывает ошибочен); *Бог один видел, а люди знают; Отстань, Бог, нападут и добрые люди* [Даль II: 33, 89, 284, 446], ср. также *Мир орет, так Бог молчит* [Даль II: 331], *Мир зинул – и ад рот разинул* [Снегирев: 225].

Из-за этой же амбивалентности по сходной схеме складываются взаимоотношения «людей» с **чертом** (хотя, конечно, связь с чертом слабее, чем с Богом). С одной стороны, люди противопоставлены черту: влг. *нелюдь* (собр.) ‘нечистая сила’ [КСГРС], *Люди дорогой, а черт стороной (целиком)* [Даль IV: 331], *Все люди как люди, один черт в колпаке*

[Даль II: 143], ср. также костр. *нерусский* 'о черте, демоне' [СРНГ 21: 146]. С другой стороны, ситуативная враждебность людей по отношению к отдельному человеку, связь с чужим, отдаленным пространством соотносит их с чертом: дает *В людях быстро чертом станешь; В чужих людях (на чужой стороне) в три года чертом прослывешь* [ПРН 3: 84].

ВОСПИТАНИЕ, ОБУЧЕНИЕ

Данный раздел очень близок разделу СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС, но все же включает специфическую семантическую оппозицию **воспитывать, заботиться – оставлять без ухода, запускать**. Положительный полюс оппозиции, предполагающий подготовку к социализации, выходу в люди, выражен словами *вълюдить* 'вырастить, воспитать' [СБГ 3: 73], *в люди спустить* 'вырастить, вывести в люди', *людовать* 'то же' (*Шутка, людовать семеро детей*) [СРГК 3: 169], ср. *Не на ту пору мать родила, не собрав разума, в люди пустила* [Даль II: 284]; ср. также болг. диал. *прилюдя, прилюдявам* 'воспитывая кого-либо, помогать ему стать человеком' [БЕР 3: 577], укр. *будуть (вийдуть) люди з кого* 'кто-нибудь вырастет, у него сформируются позитивные качества' [ФСУМ 1: 452] и др. Соответственно недостаточно воспитанный и обученный человек считается «нелюдью»: твер. *вълюдье* 'околотень, неслух' [Даль I: 298–299], сев.-двин. *нелюдь, нелюдской* 'глупый, неумелый, неотесанный человек', 'глупый, неумелый; неотесанный', [СРНГ 21: 76], ср. также нвсиб. *нёрусь* 'о бестолковом человеке' (*Нерусь говорим, когда ругаемся, проверяем, у-у, нерусь, ничто не понимаешь*) [СРНГ 21: 147].

Однако у ситуации социализации есть обратная сторона: за ней, по мнению носителей языковой традиции, может стоять установка «снять с шеи» того, кто выводится в люди, – и шире – забросить, запустить кого-, что-либо: *В люди пустила – с шеи спустила* [ЭМ ТЭ]; *в люди опустить* 'оставить без ухода, запустить' (*Земельку-то матушку не опустили в люди (в войну), не заросла кустарником, не запустили*) [СРГК 3: 169].

ЭСТЕТИКА

Эстетические нотки звучат в изучаемом смысловом пространстве довольно слабо, но всё же весьма отчетливо: их можно услышать при актуализации «социумного» полюса концепта. Они реализуются как положительная эстетическая оценка того, что предназначено для демонстрации «на людях». В первую очередь это праздничная одежда (см. рубрику ЭТИКЕТ), но не только она: *вълюдье* 'что-либо особо красивое, нарядное, предназначенное для гостей, для показа' (*Вълюдья элакого не было, фарфора да – всё глина*) [СГРС 2: 235], твер. *вълюдье* '«диво, краса, убранство»' [СРНГ 5: 307], ср. также *вълюдить* 'похорошеть, стать привлекательным' (*Вълюдил хороший экой, когда маленький, некрасивой был, а вырос красивой*) [АОС 6–7: 295].

ПРОСТРАНСТВО

Пространство, связанное с людьми, определяется языком весьма детально и разнообразно. Вследствие того, что данная смысловая сфера наиболее удалена от денотативного значения слова *люди*, в ней преимущественно представлены не значения дериватов, а факты контекстной семантики (повторяющиеся и устойчивые).

В самом общем виде пространство людей – это **свет** (*Чуден свет, дивны люди; Свет бел, да люди черны* [Даль I: 152, 435], который может быть сужен до **родной страны** (*На белой Руси не без добрых людей* [Даль I: 153]) и **родной стороны** (*людимый* 'любимый, родной'²⁴ (*Прощай, людима сторона, уезжаю в далёки сторона. И ушла я замуж с людимой сторонушки*) [СРГК 3: 169]), ср. также *и в лóдях и на усторóнье* 'везде; всегда, постоянно' [ФСК: 123], где *усторóнье* понимается как «чужая сторона», а *в людях* – «своя». Отрицательная форма выражения той же идеи реализуется в сев., смол. *безлюдье* 'уединенное, отдаленное, глухое место' [СРНГ 2: 192].

²⁴ Несмотря на явную аттракцию к *любимый*, семантический импульс, идущий от *люд-*, здесь силен.

Образ родной стороны тесно связан с образом освоенного людьми пространства – им могут быть **речные берега** (*По наречью (по речным берегам) люди, по сухмению волки* [Даль II: 466]), обжитая «**теснота**», противопоставленная простору (*В тесноте люди живут, а на простор навоз возят* [Даль IV: 450]), но **не море** (*Море далёко, люди близко* [ЭМ ТЭ], ср. *Нелюдимо наше море* (Языков)) и **не лес** (*В лесе лесеют, в людях людеют* [СРНГ 17: 242]; *Беда (напраслина) не по лесу ходит, а по людям* [Даль II: 284]; *В лесу лес неровен, в миру люди* [Даль IV: 6]; влг. *заулёшина, заулёшица* ‘глухое безлюдное или малонаселенное место’ [КСГРС], курск. *лесник* ‘нелюдимый человек’ [СРНГ 16: 372] и др.). Ср. также оппозицию *Русь – лес*, которая мотивирует смысловое наполнение арх. *выйти на русь* ‘выйти из леса на открытое, светлое место, ближе к жилью’ (*В лесу долго ходил, а потом на свет вышел, на русь, близко к людям; Из леса я на русь вышел, тут луг, дальше деревни, людьми пахнет*) [СГРС 2: 226].

Однако смещение точки зрения, перенесение ее из полюса «мы» в полюс «они» может трансформировать характер связи людей с лесом и морем – люди уже не противопоставляются им, а сопологаются: *В люди вышел, что в темный лес* [ЭМ ТЭ], *Чужие люди – дремучий лес* [Даль I: 492], *Чем верить люду мирскому, верить темному лесу* [ПРН 3: 84]; *Не верь тишине морской да речи людской* [Даль II: 346], *Ветром море колышет, молвою – народ, Молва людская, что волна морская* [ПРН 3: 79, 87]. Так люди помещаются в чужое пространство: *в людях* ‘в других местах, не здесь’ [СРГК 3: 169], *В людях быстро чертом станешь* [ЭМ ТЭ] (= *В чужих людях (на чужой стороне) в три года чертом прослывешь* [ПРН 3: 84]). Поэтому локус людей может быть противопоставлен не только миру природы, но и миру отдельного человека, самому близкому для человека пространству – **дому**: *Зачем в люди по печаль, когда дома плачут!*; *За покоем не в люди, дома ищи его* [Даль III: 107, 242], *Дома, как хочу, а в людях, как велят* [ПРН 3: 67], *Люби дома, что захочешь, а в людях, что дают* [Даль II: 284], *Дома пан, а в людях болван; Дома Илья, а в людях свинья* [Снегирев: 100], *В людях: «Радуйся, царице!», а дома: «Не рыдай мене, мати!»* [ПРН 2: 569], *Посижу хоть у тебя на людях, а то одному-то смерть в доме* (Г. Успенский) и мн.др. Как показывают контексты, домашний мир представляется тесно связанным с психической, эмоциональной жизнью человека, поэтому в оппозиции «дома – в людях» мы вновь встречаемся с противостоянием личности и социума.

Интересно, что среди различных локусов людей обнаруживается такой, который соединяет полюс освоенного и неосвоенного, – это **дорога**. Дорога противопоставлена необжитому пространству: *Люди дорогой, а черт стороной (целиком)* [Даль IV: 331]. Она является принципиально «людским» локусом: *людской путь* ‘дорога, улица’, *людчик* (*лютчик, лютцик, люцик*) ‘дорога’ [СлРЯ XI–XVII вв. 8: 344], ср. также *мирская дорога* ‘широкая проезжая дорога, большак’ [СРНП 1: 421], ‘широкая торная дорога’ (*Мирская дорога к жилью приведёт*) [СРГК 3: 241], тобол. ‘большая дорога, тракт’ (*Мирская дорога эвон куда пошла, а эта на нашу деревню*) [СРНГ 18: 174]. Очевидно, признак «торности» весьма значим как признак, мотивирующий данные номинации, поскольку с образом людей связано представление о множестве (см. КОЛИЧЕСТВО). Кстати, приведенные выше факты проливают свет на происхождение зафиксированного в современных севернорусских говорах слова *люцик* – ‘непропаханная узкая полоса земли между полями или по краю поля возле изгороди; межа’ [СРГК 3: 170], арх. *люцик* ‘межа’ [КСГРС]: его фонетический облик есть результат дестимологизации формы *людчик*, а семантика является результатом закономерного смыслового развития ‘дорога’ → ‘межа’. В то же время дорога уводит из дома на чужбину, в люди: *Домой по своей деревне, а в люди большаком* [ЭМ ТЭ]; обретение нового, более высокого социального статуса осмысляется русским языком как *выход в люди* (см. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС). Таким образом, дорога становится посредником между противопоставленными локусами людей.

ОБЩИЕ СВОЙСТВА ТЕЛ И ВЕЩЕСТВ

Данная сфера стоит особняком в общем ряду, поскольку здесь объединены такие значения, которые появились вследствие генерализации «людской» семантики, отрыва ее от исходного денотата и распространения на другие денотаты и ситуации. Здесь выделяются две группы значений: КОЛИЧЕСТВО и ОБЩАЯ РАЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА. Охарактеризуем первую из них (вторая была представлена выше, при описании общих свойств «людской» лексики (см. IV).

КОЛИЧЕСТВО

С образом людей связывается представление не только о человеческом множестве, но и о **множестве** одушевленных и даже неодушевленных объектов: сиб. *людка* ‘масса (о предметах)’, севернорус., сиб. *людно* ‘много (о животных, птицах, насекомых и т.п.)’, ‘много (неодушевленных предметов)’ (*Дров людно. Дождя пролило людно*), арх. *людной* ‘многочисленный (о животных)’ [СРНГ 17: 242–243], *людно* ‘в большом количестве, в значительной степени, много’ (*Она людно знает*) [СПГ 1: 498], ‘то же’ (*Людно овец идет. Утром людно машин-от, а вечером соусем нет. Больно людно наклала в сумку*) [КСГРС], арх. *поллюдно* ‘в большом количестве, много’ (*Поллюдно скота-то кормили, по три да по четыре хлеба было*) [СРНГ 29: 186] и т.п.

Если такое смысловое развитие предсказуемо и закономерно, то весьма алогичным выглядит семантика **мало** количества: костр. *людно* ‘мало, недостаточно’ (*Рабочих рук у нас людно*) [СРНГ 17: 243]. Можно предполагать здесь энантиосемию на основе экспрессии, всегда сопровождающей семантику большого или малого количества, но более вероятно думать, что значение ‘мало’ появилось на основе значения ‘бедно’: там же, в Варнавинском уезде Костромской губернии, в том же 1932 г., записано слово *людно* ‘бедно’ (*Она людно жила*) [СРНГ 17: 243]. Последнее же мотивировано одной из статусных характеристик «людей» – характеристикой «социального низа» (см. раздел СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС).

* * *

VII. Несмотря на свою многоаспектность, представленный выше комплекс характеристик внутренне целостен. Его целостность подтверждается тем, что номинации из разных смысловых сфер могут объединяться **мотивными и образными перекличками**. Так, мотив незаконнорожденного ребенка соотносим с мотивами распутного поведения и нежелания воспитывать, заботиться, а также темой брака. Среди сквозных образов следует назвать, к примеру, метафору перемещения в пространстве: выход в люди – это путь, которым проходит человек в процессе своей социализации, это дорога женщины в дом мужа, жителя деревни – в город, где есть работа и, соответственно, заработки, неграмотных – к обучению и образованию. Кроме того, это «духовная» дорога, это путь к этическим ценностям, понимание и обретение которых возможно только в обществе (*Через людей в люди выходят* [Даль II: 284]), поэтому этическая или интеллектуальная неполноценность признается неспособностью *дойти до людей*. Метафора дороги имеет яркое национальное своеобразие: в стране огромных расстояний и безлюдных просторов, множества деревень и редких городов, крепостного права и замкнутых на себя микросоциумов, – наконец, в стране Ломоносова и Горького – она может пониматься совершенно буквально. Поэтому не случайно русский язык использует корни *люд-* и *мир-* для п р я м о г о обозначения дороги.

VIII. Внутреннему единству языкового портрета людей не противоречит контрастность, полярность многих характеристик, заложенная в семантико-прагматической программе слова *люди*. Более того, эта **антиномичность**, напряжение между личностным и социальным полюсом концепта становится основным фактором, определяющим словоупотребление, и механизмом, запускающим словообразование в соответствующем гнезде. Если словоупотребление лексемы *люди* в ряде ситуаций может быть охарактеризовано как **дейктическое**, то значения словообразовательных моделей тоже обнаруживают некоторый «дейктический субстрат». Это – еще один параметр семантико-

прагматической программы слова *люди* и одновременно импульс для изучения проекции дейктических категорий в область номинации и деривации.

Литература

- Агапкина 1994 – Т. А. А г а п к и н а . Чужой среди своих //Миф и культура. Человек – не-человек: Тез. докл. М., 1994. С. 15–18.
- АОС – Архангельский областной словарь. М., 1980–. Вып. 1–.
- Арутюнова 1995 – Н. Д. А р у т ю н о в а . Человек и «фигура» (анализ понятий) //Филологический сборник (к столетию со дня рождения академика В.В. Виноградова). М., 1995. С. 34–46.
- АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984–. Вып. 1–.
- Бартминский, Мазуркевич-Бжозовска 1993 – J. B a r t m i ń s k i , M . M a z u r k i e w i c z - B r z o z o w s k a . *LUD*. Profile pojęcia i ich konteksty kulturowe // Profilowanie pojęć. Lublin, 1993. S. 181–206.
- Бенвенист 1995 – Э . Б е н в е н и с т . Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с франц. М., 1995.
- Березович 2004 – Е. Л. Б е р е з о в и ч . К этнолингвистической интерпретации семантических полей //Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 3–24.
- БЕР – Български етимологичен речник. София, 1962–. Т. I–.
- БРЭР – В . В . Х и м и к . Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
- БСЖ – В . М . М о к и е н к о , Т . Г . Н и к и т и н а . Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- БТДК – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- Вайс 1999 – Д . В а й с . *Человек, лицо, личность и особа*: четыре неравных соперника //Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 81–98.
- Варбот 1981 – Ж . Ж . В а р б о т . Лехитские этимологии //Общеславянский лексический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981. С. 317–328.
- Виноградов – В . В . В и н о г р а д о в . История слов. М., 1999.
- Глущенко 2001 – О . А . Г л у щ е н к о . Наречия образа действия в архангельских народных говорах (семантический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Гринченко – Словарь української мови /Упор. Б. Гринченко. Київ, 1907–1909. Т. 1–4.
- Даль – В . И . Д а л ь . Толковый словарь живого великорусского языка. 2-ое изд. СПб.; М., 1880–1882 (1989). Т. I–IV.
- Дегтярев 1981 – В . И . Д е г т я р е в . О происхождении слова *люд* //Этимология. 1979. М., 1981. С. 85–92.
- ДСРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения. Екатеринбург, 1996.
- Журавлев (в печати) – А Ф . Ж у р а в л е в . К статистике русских фамилий. I // Вопросы ономастики. 2005. № 1 (в печати).
- Иванов 1975 – В я ч . В с . И в а н о в . К типологическому анализу внутренней формы праслав. **čelověkь* ‘человек’ //Этимология. 1973. М., 1975. С. 17–23.
- Колесов – В . В . К о л е с о в . Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1976.
- Конаков 1996 – Н. Д. К о н а к о в . Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир, пространство и время. Сыктывкар, 1996.
- КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания, Уральский университет)
- КЭИС – картотека Этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ)
- ЛК ТЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ)
- Матвеев 1990 – А . К . М а т в е е в . Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала. Челябинск, 1990.
- Никитина 2004 – С . Е . Н и к и т и н а . О жизни *человека* и *людей* в устной народной поэзии //Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004. С. 620–631.
- Нильссон 1999 – Б . Н и л ь с с о н . Человек и мужчина – о классах, индивидах и инстанциях. К постановке проблемы (на материале русского и шведского языков) // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 99–104.
- НОС – Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.
- Ономастикон – С . Б . В е с е л о в с к и й . Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

- Полякова – Е . Н . П о л я к о в а . К истокам пермских фамилий: Словарь. Пермь, 1997.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып. 1–.
- ПРН – Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. М., 1993. Т. 1–3.
- Розина 1991 – Р . И . Р о з и н а . *Человек и личность* в языке //Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 52–56.
- САР – Словарь Академии Российской 1789–1794: В 6 т. М., 2001–. Т. 1–.
- СБГ – Словарь брянских говоров. Л., 1976–. Вып. 1–.
- СВГ – Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–. Вып. 1–.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
- СГСЗ – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–. Т. 1–.
- СлРЯ – Словарь русского языка. М., 1985–1988. Т. I–IV.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Т. 1–.
- СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984–. Вып. 1–.
- Снегирев – Русские народные пословицы и притчи /Сост. И.М. Снегирев. М., 1995.
- СОГ – Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989–1991. Вып. 1–4; Орел, 1992–. Вып. 5–.
- СПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мн., 1978–1986. Т. 1–5.
- СПП – Словарь псковских пословиц и поговорок /Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Спб., 2001.
- СПП XVI–XVIII вв. – Словарь пермских памятников XVI–нач. XVIII в. /Сост. Е.Н. Полякова. Пермь, 1993–2001. Вып. 1–6.
- СРГА – Словарь русских говоров Алтая. Барнаул, 1993–1997. Т. 1–4.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Спб., 1994–. Вып. 1–.
- СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры. Спб., 2003–. Т. 1–.
- СРГП – Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
- СРГПриб – Словарь русских говоров Прибайкалья. Иркутск, 1986–1989. Вып. 1–4.
- СРГС – Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1999–. Т. 1, ч. 1–.
- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–1987. Т. 1–7.
- СРДГ – Словарь русских донских говоров. Ростов-на-Дону, 1975–1976. Т. 1–3.
- СРЛИ – А . В . С у п е р а н с к а я . Словарь русских личных имен. М., 1998.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М., Л., 1965–. Вып. 1–.
- ССГ – Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974–. Вып. 1–.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. М., Л., 1948–1965. Т. 1–17.
- Степанов 1997 – Ю . С . С т е п а н о в . Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- СЦРБ – Слоўнік гаворак центральных раёнаў Беларусі. Мн., 1990. Т. 1–2.
- Сцяшкoвiч – Т . Ф . С ц я ш к o в i ч . Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мн., 1983.
- Топоров 1993 – В . Н . Т о п о р о в . Праславянская культура в зеркале собственных имен: (элемент МІР) //История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XI Междунар. съезд славистов. Докл. рос. делегации. М., 1993. С. 3–118.
- Трубачев 1959 – О . Н . Т р у б а ч е в . История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
- ТС – Тураўскі слоўнік. Мн., 1982–1987. Т. 1–5.
- ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мн., 1977 – 1984. Т. 1–5.
- Тупиков – Н . М . Т у п и к о в . Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004.
- ТЭ – топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ)
- Фасмер – М . Ф а с м е р . Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
- ФСК – И . А . К о б е л е в а . Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар, 2004.
- ФСлРЯ – Фразеологический словарь русского языка. 4 изд., стереотип. М., 1986.
- ФСУМ – Фразеологічний словник української мови. Київ, 1993. Кн. 1–2.
- ЭИС – О . В . В о с т р и к о в . Традиционная культура Урала. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Екатеринбург, 2000–. Вып. 1–.
- ЭМ ТЭ – картотека этнографических материалов Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ)
- ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мн., 1978–. Т. 1–.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–. Вып. 1–.
- ЯОС – Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. [Вып. 1–10].
- ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Т. 1–. Praha, 1989–.
- SJP – Słownik języka polskiego. Warszawa, 1958–1969. Т. I–X.

